

- Отче, вот в голову не возьму, как вы из куска мяса, пары кореньев и травок сотворяете такую чудную похлебку? – восклицающий голос Емельяна раздался рядом, прогоняя последние остатки сна.

Тело будто бы пропустили через жернова, причем, неоднократно. Чугунный комок слизи застрял в горле, мешая дыханию, в миг проснувшаяся жажда принялась терзать изнутри, и я уже не мог думать ни о чем ином, даже сдавливающая масса затекшего тела не была столь нестерпимой.

- Да секрета здесь никакого, - отозвался Хранитель: - Все это знает любая ведунья травница.

Даже пальцами не могу пошевелить, как будто бы парализованный, хотя явственно ощущаю, как застоявшаяся в жилах кровь пытается протолкнуть себя, вызывая болевые вспышки и провоцируя затекшие мышцы сжиматься и разжиматься, выкручиваясь и надрываясь, от чего тело заполняется новыми вспышками боли от судорог.

- Да не скажите, так готовить талант надобно иметь. Тут одного знания недостаточно.

Проблески света дают понять, что я не ослеп, но все равно не особо радуют, причиняя дополнительную боль. Мутные блики смешиваются в единый калейдоскоп, принуждая зажмуриться. Голоса моих соратников раздаются в голове, как будто бы кто-то одел на меня кастрюлю и усердно по ней бьет чем-то.

- Пи-и-и-ть...

- А? Княже!!! Очнулся!!! – тысяча громовых гроз разом прошлись прямо надо мной, заставляя пожалеть о попытке позвать.

- Не-е-е кри-и-чи-и...

- А? Что? Что? Княже?!!!

- Не-е-е кричи-и-и ты-ы так...

- А? Да не кричу я, я почти шепотом. Живой, очнулся, Княже!

- Уй-й-йо-ё-...-ок... Пи-ить дай.

- Пить? Нельзя тебе пить, совсем нельзя.

- Да-ай, ука...

- Нельзя, даже не ругай. Пока не подлечишься малость, никак, даже Хранителя спроси, нельзя, он сказал так.

- Нельзя, - раздался голос библиотекаря: - Иначе хуже будет тебе, пока не срастутся телеса внутренние.

- Что со мной? Поче-ему-у все так болит?

- Так покалечил ты себя.

- Как?

- Ты же, когда рубился, бился на пределе, мышцы рвало от перенапряжения. Когда уже что-то не выдержало, тогда и рухнул, истекая кровью.

- Так это же игра, какого?

- Игра? Княже, давно уже не игра, по крайней мере, для тебя. Такого в играх не было никогда, да и в этой, я точно помню. Я вспомнил, не все, но многое. Вот никогда такого не было, да и как может новичок в несколько уровней биться с многоуровневыми монстрами? Не игра это уже. Ладно, что они нас с тобой не замечали, игнорировали все атаки. Даже Хранителя будто бы не видели, перли на Карпа все...

- Где-е-е он?

- Карп? Сгинул, твари эти вцепились в него и уволокли. Да ты не бери в голову, воскреснет в ближайшем городе возле камня, это обычное дело.

- Мы же его с со-о-бо-ой взяли.

- Взяли, только, видать, его крики и привлекли всех этих, а так бы все бы было нормально. Княже, забудь ты о нем, неудачный опыт игровой. Баба с возу, кобыле легче. Лучше о себе заботься сейчас, сконцентрируйся на восстановлении, а то изрядно тебя пожухало.

- Ра-асс-ка-а-азы-ывай.

- Да что тут рассказывать, тут видеть надобно. Ах да, глаз же пока нет. В общем, когда ты надорвался, рухнув в траву среди порубленных тварей, одна отчего-то вдруг зашевелилась и кинулась на тебя сверху, принявшись оплетать, присосавшись балдой своей. Я уже думал, не успею ее достать, не быстрый же, а ты вдруг как заревешь, подскочишь, сам себе выворачивая руки, чтобы ухватить эту мерзость. Вцепился в нее, принявшись отрывать вместе с мясом, кости хрустели ай как громко. А та все сильнее сплетается, затягивая свои жгуты, и тут я

опешил, когда лежащие рядом тоже зашевелились, потянувшись. Я уже стал думать, мол, Емеля, готовимся к отбытию, следующая остановка Зверинец. И тут ты как вспыхнешь, будто бы тебя бензином облили, да не обычным, а авиационным вперемешку с мылом и дизелем, короче, напалм. Всех сразу же спалил, да и сам превратился в шашлык, обгорев местами до костей, о доспехах молчу, ибо не о чем говорить. Ну а сам ты так и рухнул, весь переломанный, да обожженный, вон даже вороны откуда-то прилетели и кружат над нами, почуяли.

- Э-э-э-э-э...

- Вот тебе и э-э-э-э, время идет, а мы тут с тобой отдыхаем, ждем, когда оклемаешься.

- Сколько прошло уже?

- Да вторые сутки начались, но ты не переживай, как-нибудь прорвемся, ты давай, думай о восстановлении.

- Емеля.

- А?

- Что ты вспомнил?

- Я? Все до игры этой, первый год в игре, а дальше обрывками, вот сейчас тихо офигиваю, насколько все стало иначе, чем раньше.... А еще отчего-то в голове постоянно крутится слово «Новоград».

- Это что?

- Не знаю, наверное, город какой-то. Давай, не разговаривай, силы береги, а я пока тебе расскажу все, что вспомнил, почти все. Может, так и ты начнешь вспоминать, ..., и это, сейчас я еще больше уверен, что там, где должен быть. Знаешь, ведь там, в реальном мире я парализован полностью...

Емельян говорил и говорил, рассказывая о своей жизни, кажется, ничего не упуская, а я слушал, не останавливая, и в голове моей то и дело возникали образы. Наверное, моя фантазия сразу же проецировала все слышимое в картинки, чтобы было лучше понять, но отчего-то все было таким настоящим, как будто бы я действительно смотрел, как Емельян пошел в армию, потом вернулся, поступил в институт и познакомился с красивой девушкой на курсе, как они мечтали, как они дружили... Я видел все его радости и печали, видел, как рухнули его мечты, когда случилось самое страшное в его жизни. Ощутил, как он мысленно тогда простил свою девушку, внезапно бросившую его на четвертом курсе. Я почувствовал себя на месте этого сильного человека, оказавшегося на многие годы в плену собственного тела.

- Знаешь, я начал веровать сильно, хотя и был крещенным с рождения. Но до этого как-то не обращался к богу, а когда появилось много времени, то оставалось лишь мысленно молиться, и я молился...

Минуты шли одна за другой, время от времени речь Емели озвучивалась треском чего-то, а очередная вспышка боли проходила по всему телу, но я не жаловался, продолжая предельно внимательно слушать и сопереживать, параллельно проживая жизнь этого человека и осознавая, что передо мной сидит поистине богатырь, какого в пору всяким религиозным деятелям при жизни причислять к святым. Вот кто действительно принял на себя все муки с предельной стойкостью и не сломался, не отступил, не приказал машине пустить себе по капельнице тихий яд. Я слушал и, кажется, рыдал, но не от боли, теперь ее не было, точнее, мне на нее было плевать, я слушал и жил тем, что рассказывал мне мой друг, решивший открыться так, как не открываются ни перед кем. Теперь я знал, что передо мной сидит именно друг, надежный человек, который никогда ни при каких обстоятельствах не отступится, не бросит, не предаст...

- На вот, попей, теперь можно, - в горло ворвалась благостная живородящая влага, и я принялся жадно глотать: - Не спеши, по чуть, много в первый раз нельзя. Вот так, ну все, чуть позже еще можно будет.

- Спасибо.

- Не за что, с такими успехами скоро и поесть сможешь, тогда восстанавливаться станет легче. Я как раз свежего оленя забил.

- Ты охотиться умеешь?

- Не особо, просто они тут не очень-то пуганные. Днем, ночью тут другие звери, наши знакомцы на них по ночам охотятся.

- И как вы против них?

- Никак, я же говорил, они нас как будто бы не видят, пока почти в упор не подойдут. Отдыхай, силы лучше используй на восстановление.

- Что по мне ползает?

- Пиявки.

- А?! Откуда?!!

- Ты занес. Мы тебя приволокли сюда под тень от солнца, положили, ну вокруг сразу все начало гнить, да так быстро, даже земля принялась сжигаться, а через пять минут ты уже

лежал будто бы в болотце. Я тебя переволок в сторону, пять минут, и снова ты в болотце. А потом из него пиявки повылазили и принялись тебя есть.

- А чего ты их не снял?!!

- Так зачем? Они же лечат, гнойники вскрывают, высасывают, черную кровь тоже забирают, чистят всего. Те, что нажрут, отваливаются и падают в болотце, оттуда сразу на смену лезут новые.

- Бр-р-р-р-р! Ненавижу пиявок!!!

- А как думаешь нам все это видеть? Но кое-как начали есть, голод все же взял верх. Ладно, потерпи немного, они, кажется, почти закончили, но их меньше это точно.

Время тянулось слишком долго, как и всегда, предательски издеваясь и предпочитая пролетать за мгновения в более важные моменты жизни. Восстановление не ускорялось даже после того, как я пожевал свежезапеченного мяса и повторил эту приятную процедуру чуть позже, но с гораздо большим куском мяса. Но боль отошла, хотя, полагаю, это не заслуга еды, а тех же пиявок, обезболивающих своими инъекциями, если они здесь такие же, как описывались в учебниках по биологии.

Мои соратники все это время находились рядом, Емельян продолжал о рассказывать о том, что вспомнил, Хранитель молчаливо слушал, что-то готовя на костре в котелке, не весть откуда взявшемуся. А я лишь лежал, явственно ощущая, как склизкие черви ползают по моему телу меж мышц и сухожилий. Хорошо, что не лезли на лицо, иначе бы я не выдержал, увидев тех новообретенным зрением. А еще никогда не думал, что валяться в грязи может быть так приятно, теперь я понимаю, от чего поросята обожают целые дни проводить в канавах.

- Вот же раскаркался, - буркнул Емельян, обратив свой взгляд на сидевшего в ветвях черного ворона: - Лети уже отсюда!

- Не улетит, - отозвался Хранитель: - Его дело следить.

- За нами?

- А кого-то еще здесь видишь?

- Для кого?

- Для хозяина.

- А кто хозяин?

- А это у него, - библиотекарь своим посохом указал в сторону сидящего ворона: - Спроси.

- Ага, так он и ответит.

- Может и ответит, мне не ведомо.

- А если его прогнать?

- Далеко не улетит, всегда будет рядом.

- Эх... лук бы да стрелы.

- По что тебе?

- Пристрелить его.

- Убить черного ворона - беду на себя накличет. Тот, кто Ворона видал,

Знает силу мрака...

Освещенная комната наполнялась солнечными зайчиками, радостно поигрывающими как будто бы живыми. Детские голоса доносились одновременно отовсюду, хотя дверь в комнату была закрыта. Я встаю с широкой постели, направившись к двери, ступая босыми ногами по гладкому камню, отчего-то теплому. Дверь не скрипнула петлями, легко подавшись наружу и впуская в другую комнату, еще больше, но также освещаемую солнечным светом, проникающим сквозь узорчатые окна.

Голоса детей усилились, как будто бы вокруг меня носилась детвора, но я никого не видел, продолжая идти дальше и выйдя в широкий, но пустой коридор. Несколько шагов по нему, и голоса детей вдруг стихли, вокруг осталась лишь тишина. Я дернулся, оглядываясь по сторонам, но ничего не менялось, я - один. Невольно упираюсь рукой о стену и, уже похрамывая подобно старику, ковыляю в большой зал с лавками и стульями по стенам.

Шаг, и я замираю, сгорбившись под тяжестью собственного тела, переставшего слушаться и напомнившего обо всех многолетних болячках. Ссохшиеся ноги дрожат от накатившей немощности, руки обвисли двумя непослушными огузками, награжденными хроническим артритом суставов. Дышать тяжело, а камни в почках предсказывают вечернюю грозу.

«Я один, совсем один, и более никого, лишь ощущение одиночества и беспомощности. Обо мне

все забыли, я ничего не достиг, я ничего не оставил после себя!!!»

Трясущаяся голова в последний раз приподнялась, чтобы посмотреть на белый свет, и тускнеющий взгляд застыл... на возникшей предо мной колыбелькой.

- С пробуждением, - морда Емельяна скалилась в улыбке: - Выспался?

- Вроде бы, - отвечаю, промаргиваясь ото сна, внезапно навалившегося среди бела дня.

- Это хорошо, на пользу было тебе, зажило почти все, - массивная лапа протянула берестяную кружку с чем-то интересно пахнущим: - На вот, отварчика выпей, бодрости набежит сразу. Отче знатные отвары заваривает, вон как тебя быстро вырубил, даже не стонал от ран.

Я присел, не ощутив никакого дискомфорта, оглядел себя и не заметил ни ран, ни пиявок, как будто бы ничего не было, даже простенького шрама не имелось на теле. Горячий отвар пил с наслаждением, ощущая приятное тепло внутри себя, стремительно растекающееся от центра во все стороны. Тут же смело всю дрему и захотелось пробежать километров десять, как будто бы мне дали интересную таблеточку с криминальным подтекстом на одной из молодежных тусовок.

- Бодрит, - Емельян кивнул: - Ну, допивай, и в дорогу, а то засиделись мы тут.

- Ага, в путь. Слушай, а откуда травы?

- Так отче погулял рядом, покуда ощущал защиту сферы, вот и насобирал. Тут этой травы, оказывается, полно растет, далеко ходить не надо.

- Так, а как ты охотился? Она же недалеко действует.

- Ну как, попросту учуивал зверя, а после бросался к нему, пока силы есть ну и обратно, пока могу, так и успевал, правда потом приходилось отсиживаться некоторое время, пока морок спадет.

- Какой морок?

- От зова, знаешь, мысли начинают путаться, себя перестаешь осознавать, и хочется только бежать в сторону зова.

- Хм, рисковал зачем?

- Кушать больно хотелось. Такая вредная привычка с детства. Ну хватит расслаиваться, в путь.

Вокруг уже воцарилась ночь, и все очертания слились в единую сумеречную пелену, лишь горы выделялись своими черными телами, возвышаясь над всеобщей темнотой. Скрывшись во мраке, мир обретал новую жизнь, издающую совершенно иные звуки существования. Время от времени доносились протяжные волчьи завывания, где-то в ночи ухал филин, в ночном небе шелестели своими крыльями летучие мыши. Кто-то шумел ветвями, заламывая те, иногда доносился треск падающего дерева, изломанного неизвестным обитателем ночного предгорного леса.

Мы шли вслед за библиотекарем, уверенно входящим в очередную лесную чащу, наседающую на подножие горного массива, идущего по правую сторону от нас, и лишь отвесная стена горной породы не позволяла взобраться повыше, чтобы разглядеть всю красоту окружающего мира. Время от времени встречались штольни и пещеры, в основном, заброшенные и обросшие кустарником, скрывающим в себе чернеющие тоннели.

Если бы было время, то я непременно бы исследовал каждый из них хотя бы ради интереса. Во мне буквально бурлило все от переполняющего желания удариться в исследования окрестностей. Но таймер неуклонно тикал, да и видок у Емельяна несколько ухудшился, хотя тот старался не показывать слабину. Меня же обуревало желание пробежаться среди высоких деревьев, отыскать того, кто так тяжело фыркает среди сумрака, скрываясь за буреломом. Я явственно ощущал голодные взгляды хищных хозяев ночи, обративших свой острый взор на нас. До меня доходили всполохи источаемой теми ауры внушения страха, принуждающей жертву не бежать, сдаться и пасть от слабости собственных ног. Но эти, казалось бы, всемогущие хозяева ночи лишь наблюдали, исчезая во мраке горных пещер, как только мы приближались к ним.

Странно, конечно, может быть, это из-за того, что от нас веет хаосом, и те попросту не желают связываться с смердящими им, надеюсь, что лишь поэтому.

- Осторожно! – произношу, чуть не сорвавшись во внезапно раскинувшуюся пропасть.

Небо заволочло облаками, поэтому я в последний момент заметил провал, чуть не наступив на пустоту и не получив шанс ощутить себя камнем, низринувшимся с вершины горы. Мы вышли к отвесному склону предгорья, с которого открывался панорамный вид на освещаемую в ночи сотнями огней от костров низину. Точнее, это была долина, окруженная с двух сторон горными цепями, вдоль одной из которых мы и продвигались, стараясь держаться подальше от широких склонов вдоль одной из рек, где располагались какие-то поселения и дороги, по которым могли передвигаться игроки.

Полагать, что те будут рады увидеть двух игроков в телах монстров хаоса и обязательно расспросят, я не стал, да и Емельян поддержал. Хотя, мы так могли значительно сократить путь, особенно, если бы купили телепорт до нужной точки, но для этого денег у нас не было, а я вдобавок теперь был без доспехов, лишь двуручный меч остался, пережив пожарище в моем инвентаре, остальное все отчего-то оплавилось.

И наше нежелание идти самым простым путем можно легко объяснить. А вдруг нас ищут и даже награду объявили, а сами мы находимся в землях, подконтрольных хаосу? Да и вообще, а вдруг мало ли что? Лучше перебздеть, чем обосраться в итоге.

- Город что ли, какой-то? – вырвалось у меня.

- Нет, скорее, лагерь или карьер какого-то из кланов.

- И как нам их обойти?

- Нам сюда, - Хранитель указал рукой в сгущающийся сумрак ночи.

- Что там?

- Тропа. Нам по ней.

- А эти снизу?

- А они же снизу, а тропа сверху.

- Понятно, ну пошли.

Сейчас прозвучит тавтология, но тропа оказалась именно тропой, по которой и одному идти не особо, не то, чтобы выстраиваться в шеренгу по три. Видимо, ее используют животные, обитающие в горах, я же оказался не особо приспособленным для продвижения над отвесной скалой, пытаюсь уместиться широкими лапищами. При этом, вариантов не особо, поэтому продвигаюсь вперед, стараясь изучать неповторимый рисунок каменной породы, века полируемой дождями и ветрами.

Вниз смотреть совсем не стремлюсь, хотя оттуда время от времени доносятся какие-то звуки, и то и дело ловлю себя на машинальном опускании головы, от чего когти сильнее впиваются в монолит, лишь бы я не сорвался и низринулсЯ вниз. Тело само стремится прижаться к породе, когти ищут, за что зацепиться, чтобы массивные лапы не соскользнули, от чего утратится равновесие, и округа услышит тираду из междометий и предлогов.

Емельяну ничуть не легче, тягость груза буквально тянет его вниз, но он все же держится, и лишь из-за него я не застыл на месте, а как-то еще двигаюсь все дальше и дальше по тропе. Хранителя же мне не видать, но я уверен, тот следует за Емелей.

Шаг за шагом мы медленно продвигались по узкой тропе, огибающей выступ горного хребта, и мне казалось, что время от времени повышались какие-то параметры, потому как моя хватка становилась более цепкой, а ступни все лучше держали баланс, и постоянно головокружение

постепенно ослабевало.

Первые лучи рассвета пробились сквозь тяжелые облака, причалившие к вершине горного хребта, вставшего на противоположной стороне долины. Белесые исполины тут же порозовели, вбирая в себя первый свет нового дня. Снежные шапки горных вершин отразили солнечные лучи, рассеивая свет по подножию и прогоняя ночной сумрак, тут же принявшийся отступать внутрь горных пещер и расщелин, ведущих к недрам каменных пределов. Ночные звуки стихали, ненадолго давая округе побыть в тишине, пока не проснутся дневные птицы и не начнут заливаться в своей трели.

Мир постепенно открывался нашему взору, обнажая себя и показывая красоту окружающей природы, умудрившейся вместить на небольшом пространстве и величественные горы, и широкую реку, и раскидистые луга, и предгорные холмы, покрытые лесными шапками. И на горизонте меж двух горных хребтов виднелись другие вершины, до которых, кажется, рукой подать.

Я не отводил взгляда от открывшейся панорамы и бессознательно продвигался дальше по тропе, обогнув выступ, пока не вышел на достаточно широкую ее часть, где уже не пришлось вжиматься в отвесную скалу. Взгляд на Емелю, тот уже почти добрался, оценивающий взор на открывшуюся картину и всматривание в происходящее внизу.

Широкий карьер подпирал подножие горы, уходя вглубь земли на несколько метров, если судить по стоявшим там сооружениям, напоминающим сараи или бараки. По периметру карьера на нулевой отметке уровня земли возвышались дозорные башни, чуть дальше темнела защитная стена, сделанная из камня, видимо, добытого тут же. Из-под самого подножия выходили поблескивающие на утреннем свету полосы рельс, в окончании которых стояли одна за другой вагонетки.

Пронзительный звук, напоминающий свист парового гудка, донесся из карьера, и тут же началось шевеление. Из бараков высыпали какие-то фигурки разных цветов, принявшиеся строиться, какие-то сразу же после построения двинулись внутрь горы, другие к отдельно стоявшему большому бараку, третьи подошли к квадратному углублению в карьере, спускаясь внутрь. Через несколько минут донеслись звуки долбящих по камню кирок.

Я наблюдал за происходящим, и мне отчего-то все не нравилось, как будто бы это что-то напоминало, но что, я пока не понял, точнее не помнил. Но я обязательно вспомню и тогда пойму, что же здесь не так, что мое обостренное зрение уловило во всем этом, что именно мне не понравилось. Обязательно разберусь, а пока надо бы спрятаться, ну и понаблюдать за этим мирком, пока солнце не сядет, и мы не сможем продолжить путь.

Хотя.

- Емеля, успеем до того леска добраться?

- Хочешь продолжить дальше путь днем?

- Если нам в ту сторону, то почему бы и нет?

- Да, нам в том направлении, - подтвердил библиотекарь.

- Тогда как? Сумеешь?

- Попытка не пытка, - Емельян в стремлении улыбнуться вновь оскалился во всю свою измененную пасть.

- Ну тогда вперед!

Не знаю, отчего я это спросил, видимо, от усталости и накопившегося напряжения после преодоления тропы, но сейчас, шагая вперед по расширяющемуся серпантину в сторону жидкого горного леса, занявшего всю как будто бы стесанную чем-то скалу, я подумал, что ничего в этом выдающегося нет. Солнце нас не испепелит в раз, как тех же вампиров, показываемых в фильмах, нет, оно будет вредить, но очень медленно, так что мы сможем пройти ни один километр, а здесь всего лишь пара сотен шагов. А потом начнется пологий скат, по которому и разросся лесок, в котором каждое деревце хоть и уступало размерами своим собратьям в долине, но все же было гораздо сильнее, ведь ему с самого начала приходилось сражаться за выживание.

Корни пробивались сквозь каменную плоть, тянулись по неподдающейся тверди, цепляясь за любой выступ, влезая в малейшую трещину, лишь бы порывы ветра не сорвали хлипкую поросль. А после, когда уже удалось укрепить корням, деревце начинало расти, сражаясь с теми же ветрами и вылавливая влагу, не желающую задерживаться меж сплетенных корней и устремляясь по камню вниз. И так годы росли эти деревца, превращаясь в символ борьбы, по праву занявший самую верхнюю точку над головами своих собратьев, не ведавших таких испытаний.

- Рядом где-то, - донесся из-за спины голос сопящего Емели, когда ветер принес волчий вой.

- Агрессивные?

- Сам как думаешь?

- Может, они веганы.

- Кто?

- Травку едят, тут же игра.

- Ага, и с зайцами в салочки поигрывают, - Емеля рассмеялся, падая на тонкий мох, слегка

прикрывший корни дерева: - Все, перекур, иначе, записывайте в Чебурашки.

- Это как?

- А это, Князь, я несу книгу, а ты несешь меня.

- А-а-а, понял, забыл совсем.

- Ага, слышали, стоп! – Емеля встрепенулся: - А сейчас этот эпизод вспомнил?

- Вроде бы.

- Ну как перескажи!

- Ну, - я напрягся: - Хм, крокодил и Чебурашка шли по рельсам, несли вещи, а потом ушастый предложил понести все вещи, а крокодил должен был его нести.

- Ага. Крокодила как звали?

- Хм..., кажется, ... Гена.

- Точно! Что еще вспомнил?

- Не знаю.

- Так. Как звали старушку из этого мультика?

- Хм..., вроде бы Шопоголик.

- Сам ты жопаголик! – Емеля рассмеялся: - Шапокляк!

- Ага, и крыска у нее была, Лариской звали.

- Молодца!!! Ну!!! Коллега, прогресс налицо, по такому поводу предлагаю выпить по кружочке отварчика! Отче, заварите?

- Почему и нет? Только соберу шишечек местных. А вы пока костерок разведите, - произнес старец, отправляясь в лесок.

- Волки вроде как неподалеку! – всполошился Емельян.

- Волк, где живет, овец не крадет, - отозвался Хранитель, скрываясь за деревцами, откуда донеслось: - Волки воют в лесу, а ему и на печи страшно.

- Ладно, давай говори, что еще вспомнил.

- Не знаю.

- Как тебя зовут?

- Хм, - честно напрягаюсь, пытаюсь вспомнить, тут же заболела голова, как будто бы ее принялись использовать в роли наковальни: - Нет, не могу, не помню.

- Ладно, все равно есть за что заварного выпить, сейчас только костерок разведу.

Хранитель вернулся где-то через полчаса, присев возле закипающего котелка и принявшись что-то туда накладывать. Я же попросту любовался панорамным пейзажем, открывающемся со склона, через десяток шагов завершающегося крутым спуском до самого подножия. Вообще, этот хребет буквально весь чуть ли не отвесный, и со стороны он походит то ли на костяной какого-то исполина, то ли торчащие из земли зубы дракона или ему подобного существа. Горный массив напротив походил на останки за века обрушившегося костяка, утратив более четкие очертания.

- Вот, держи, - передо мной возникла берестяная кружка с отваром, резко ударившим своим ароматом, от которого даже самый стойкий насморк в миг исчез бы.

- Благодарю, - принимаю кружку и тут же делаю глоток, ощутив, как приятное тепло потекло по горлу, а вкус лесных ягод впитался через язык, принуждая тут же сделать следующий глоток и следующий, и следующий.

- Ага, знатный чаек, не то, что в магазинах нам под видом высококачественного продавали, опилки паленые! – Емельян также принялся пить: - А ты вообще в курсе, что для правильного хранения чай нужно в морозилке держать? А у нас он просто на полках лежит, вот и вкус быстро меняется.

- Так вроде же нормальный был, крепкий.

- Ай, современная химическая промышленность способна на одном конвейере делать высоко диетический биойогурт, а в следующую смену резиновые сапоги там же.

- Ну это да, даже в мясе не всегда это самое мясо найдешь.

- Вот-вот, а тут вон, все натуральное. Отче, а если не секрет, что за ингредиенты вложили?

- Не секрет. Горная чернаягода, трехлистник, алый куст и дурман трава... ну и грибочки.

- Что за грибочки с дурман травой?! - Емеля чуть не вскочил.

- Да не пугайся ты, это он грибочки, если не знать, как делать. А так вместе с дурман травой ясности ума дает, да хвори отгоняет многие. Ну а так, если бы что не так, то уже бы не дергался ты, точнее, как раз и дергался бы, - слепой хранитель улыбнулся, отпив из кружки глоток.

- Да уж, лучше бы не спрашивал, - произнес Емельян, делая очередной глоток: - Но какой же вкус!

- Р-р-р-р-р!

Мы резко обернулись, увидев стоявших полукругом шестерых черных волков, скалящих клыки, с которых стекала черная слюна, а тела обтягивали многочисленные жгуты.

Междуглавие

- Что у нас на этот раз? - спросил вошедший в изоляционном костюме поверх дорожки, сшитого на заказ.

- Сэр, Артефакт проявляет непонятную активность, - тут же выпалил испуганный мужчина в таком же изоляционном костюме возле мониторов, отображающих бесчисленные обновляемые символы неземного языка, в каких была записана и пирамида из неизвестного материала, стоящая посреди комнаты с подведенными к ней массивными кабелями оптоволокон.

- Он каждый день проявляет эту самую непонятную активность.

- Сэр, но сегодня характер активности несколько иной, точнее, вы правы, он и был раньше, но на фоне остальных сигналов и потоков информации эта активность была мизерной.

- И вы хотите сказать, что именно сейчас произошел всплеск?

- Нет, он постепенно нарастал, но сейчас его показания стали превышать все остальные.

- И что это может означать?

- Мы пока не знаем.

- А кто знает? Молчите? А плохо, очень плохо. У нас этот артефакт уже несколько лет, а вы так и ничего про него не выяснили. И единственное, к чему смогли его приспособить, так это встроить в общий датацентр для обеспечения неограниченных ресурсов в виртуальных мирах!!!

- Но, Сэр, это не мы придумали.

- А кто?

- Это Артефакт нам подсказал.

- Как? Каким образом?

- В... во сне, Сэр, он общается во сне с нами.

- Во сне?! И какого хрена вы про это молчали?!!

- Он потребовал не рассказывать, иначе бы он самоизолировался бы...

- А теперь?!!

- А теперь он просил передать...

- Что же?

- Вы больше не нужны...

<http://tl.rulate.ru/book/28868/1264993>